

"О, что за облако над Русью пролетело..."

Поэзия А. Н. Апухтина

А. Н. Апухтин. Стихотворения
М., "Советская Россия", 1991
OCR Бычков М. Н.

Александр Блок, пожалуй, нашел очень точное выражение, сказав об "апухтинской нотке" {Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2.-- Л., 1980.-- С. 367.} в русской поэзии и в русской жизни. Действительно, в могучем строе симфонии отечественной лирики "нотка" Алексея Николаевича Апухтина не заглушена, ее слышно, она звучит многие десятилетия, и звук с течением времени не гаснет. Напротив, перечитывая Апухтина сегодня, когда минуло полтора века со дня его рождения, мы начинаем понимать, насколько мудрее записных литературных критиков оказались те, кто читал и читает Апухтина запросто, лишь по душевному влечению, те, кто писал и пишет музыку на его стихотворения, те, кто затем пел и поет эти многочисленные романсы и песни...

Все остальное -- подробности для сопроводительных статей, о которых, перефразируя древних, можно сказать: читать стихи необходимо; разбирать их не так уж необходимо. Но тем не менее отдадим дань традиции...

Еще в первых, отроческих опытах Апухтин не раз обращался к вечным темам чуда поэзии, судьбы поэта, его предназначения. Но хотя в этих лирических декларациях есть яркие строки, может быть, и строфы, рассудочные выкладки не дают живого представления о внутреннем мире юного стихотворца. Здесь он отдает дань сложившимся поэтическим традициям, согласно которым не следует полагаться на идею самодостаточности творчества, а нужно публично высказать свое отношение к тезису об общественном предназначении художника. В отроческом стихотворении "Два поэта" (1854), говоря о необходимости "дивной силою святого вдохновенья" карать "порок смеющийся", Апухтин добавляет, что в этом случае поэт при жизни "сердечного привета" не дожидется и

*...только внук, греха не видя за собой.
Смеясь над предками, с улыбкою презренья.
Почтит могучий стих холодной похвалой.*

В своей лирике Апухтин мало обращал внимания на "злобы дня", что, впрочем, критика, на протяжении последних ста пятидесяти лет все более социологизировавшаяся, отметила соответственно. "В поэзии Апухтина отсутствуют безусловно всякие гражданские мотивы -- это искусство для искусства чистейшей воды" -- сказано в статье об Апухтине в энциклопедии Гранат. Эта дореволюционная оценка подтверждается и в новейшем "Литературном энциклопедическом словаре" (1987). Здесь Апухтин отнесен к числу поэтов, "более или менее последовательно отмежевывавшихся от гражданственного тенденциозного искусства" {Энцикл. словарь Т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К°".-- 7-е изд.-- М., [1910].-- Т. 3.- - Стлб. 322; Лит. энцикл. словарь.-- М., 1987.-- С. 352.}.

В нашей насквозь политизированной среде еще вчера такие определения, к тому же фундаментально -- в энциклопедиях!-- закреплённые, обрекали поэта на незавидную издательскую и вообще культурную судьбу, на состояние полузабвения. Сегодня, чтобы предотвратить восстановление литературно-казарменных нравов, мы должны ясно сказать, как бы это помягче, о малосодержательности утилитарных подходов к искусству. И пример с творческим наследием Апухтина здесь будет выглядеть очень выразительно.

Как у всякого настоящего поэта, логика развития лирики у Апухтина просматривается еще в первых его стихотворениях. Ибо свои пристрастия, свои идеалы подлинный поэт ощущает очень рано, Ощущает изначально. Вся последующая жизнь, сколько бы ее ни было отмерено, уходит на словесное воплощение того, что предчувствуется.

Так, первое опубликованное стихотворение Апухтина "Эпаминонд", написанное в пору драматической для России Крымской (Восточной) войны 1853--1856 годов, посвящено памяти героя Севастополя вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова. Но мысли четырнадцатилетнего поэта уже тесно в пределах стихотворно-публицистических рассуждений о красоте подвига во имя родины. Она, эта мысль, вырывается за пределы конкретного времени и пространства: